

18+

СТАНИСЛАВ АФОНСКИЙ

Прыжок лавины

ГОРНЫЕ РАССКАЗЫ

Станислав Афонский

Прыжок лавины. Горные рассказы

«Издательские решения»

Афонский С.

Прыжок лавины. Горные рассказы / С. Афонский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856341-6

Горы, гордые и непокорные, красивые и опасные. И люди, которых они
допускают к себе, должны относиться к ним с уважением.

ISBN 978-5-44-856341-6

© Афонский С.
© Издательские решения

Содержание

Авадхара	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Прыжок лавины Горные рассказы

Станислав Афонский

© Станислав Афонский, 2017

ISBN 978-5-4485-6341-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Авадхара

Вячеслав никак не мог выяснить перевод этого таинственно и красиво звучащего слова: Авадхара. Место в горах Кавказа, обозначенное им, выглядит так же романтично и так же загадочно. Хорошо, чтобы и смысл соответствовал звучанию... Но, признаться, не очень хотелось докапываться и выяснять – опасно: ведь перевод может развеять и таинственность, и загадочность, и красоту слова, испортив всё впечатление не только от него, но и от самого пейзажа. Именно так случилось с его ощущениями после того, как он узнал, что в действительности означает название одной из великолепнейших вершин Главного Кавказского хребта и соседнего с ней перевала: Донгуз-Орун. Нечто грозное и величественное в сочетании этих букв... Донгуз... Орун... Они и на самом деле так выглядят. Особенно вершина с её угрожающе нависающим над ущельем, как сказочный меч, холодным даже издали, сверкающим белоснежным карнизом, любующаяся собой в отражении озера с таким же названием: Донгуз-Орун, но с добавлением – кель – то есть, озеро.

Узнав же об истинном значении загадочных слов, Вячеслав или, короче, как в дружеском кругу – просто Вяч, стал скрывать его от любопытных туристов, чтобы не ударить разочарованием и по ним... Оказалось, что донгуз – переводится, как... свинья, а орун – стойло. В сумме не что иное, как свиное стойло... Ну что, скажите, общего: прекрасная, чистая, гордая красавица-гора и – это самое с хвостиком крючком... Сочетались бы желания Вяча с возможностями – переименовал бы.

Возможно, и тот, кто впервые нанёс на карту Кавказа это только на слух красиво звучащее название, тоже не знал о его переводе. А, может быть, и знал, но решил сохранить местное традиционное и был, может быть, по-своему, в чём-то прав. Но именно по-своему, потому что трудно себе представить причину, по которой высоченную вершину, труднодоступную даже для альпинистов, кому-то пришлось в голову назвать «свиным стойлом». Посмотреть бы на эту голову... Автора! И на тех свиней с их «обиталищем» на высоте свыше четырёх тысяч метров над уровнем моря среди вечных снегов и льда. Никаких копытных животных, кроме горных туров, в тех местах не водится и Вячеслав, глядя на могучую гору в белой бурке снегов, всеми силами отгонял от себя её странное имя и мысленные видения замызганных свинячьих «пятачков».

Так пусть и Авадхара останется в очаровании своей загадочности среди снежных вершин, ледников, южных сосен, бархатным ковром окружающих горы, светлячков, перемигивающихся со звёздами в ночной непроглядности, и облаков, копирующих горы у их подножий.

Путь к ней начинался от турбазы Архыз. Путь к Архызу – из города Горького... Тоже, надо сказать, названиице... В давние времена, когда существовал ещё и действовал в этом городе Казанский, или Ромодановский, вокзал, перед отходом поездов ходил по вагонам пожилой весёлый мороженщик, рекламируя свой товар так: «Покупайте мороженое, пока не тронулись, а то тронетесь и не увидите ни Горького, ни сладкого!» Народ смеялся добродушно и облизывал сладкое, прощаясь с Горьким.

Бывшие нижегородцы привыкли к названию города и уже не воспринимали его, как обозначение вкусовых ощущений. Таким образом в мире существовало два одинаковых слова, различных по своему значению: одно, как ему и положено, указывало на горечь, а другое ассоциировалось с городом. Правда, если кто-то переставлял слова и говорил не город Горький, а Горький город, то смысл словосочетания изменялся. Но привычка брала своё и на смысл уже не обращали внимания: Горький так Горький...

Отправная точка пути к Архызу находилась в общежитии, располагавшемся в цокольном этаже дома номер три на улице Крылова. В тот год этот дом только и был знаменит тем, что

имел в себе общежитие завода Гидромаш. О том, что в нём жил будущая политическая знаменитость России Борис Немцов, ещё никто не знал. То есть, Борис-то там уже жил, но знаменитостью пока не значился. Шёл 1971 год.

И опять следует сказать немного о понятии слова общежитие в применении к тем квартирам, где жили рабочие и служащие завода «Гидромаш», производящего не гидр, а детали самолётов. Хотя оно и носило казённое название общежития, но никакой официальной, или неофициальной, вывески на своих помещениях не имело. А помещения были обыкновенными квартирами. Со всеми удобствами. Включая совершенно свободный вход в них и выход. Комендант общежития где-то существовал, но ни присутствием своим, ни указаниями не документал.

В одной из этих квартир Вяч собирался в горы. Она была двухкомнатной. С кухней, ванной и всем другим, положенным цивилизованной квартире. Все три окна её выходили на... соседний дом, в пять этажей. Эти этажи загораживали окна от солнечного света, проникавшего в них только в тот промежуток времени, когда солнце украдкой выглядывало из-за угла дома напротив и пряталось за угол дома – владельца квартиры. Всё остальное время суток комнаты находились в приятном для глаз полумраке.

Собирался Вяч не без трепета душевного, местами переходящего в телесный. Ни в горах, ни на юге вообще, бывать за свои уже тридцать два холостых года ему никогда не доводилось. И то, и другое видел только в рисунках, на фотографиях и в кино. Юг выглядел светло, тепло, романтично и очень заманчиво – в нём постоянно обитали фигуристые красавицы, не слишком, говорят, строптивые и устойчивые.... Горы – угрюмо, сурово и даже зловеще. Особенно в чёрно-белом исполнении. В них водились гигантские птицы, способные поднять в лапах своих человека, как в книгах Жюль Верна... Фильм «Вертикаль» он, конечно, видел, песни из него не только слышал, но и пел с вдохновением и заранее предполагал для себя довольно сложное испытание... Они уже начинались. Прямо вот тут – в одной из квартир цокольного этажа.

В горах Вяч хоть и не бывал, но предполагал, что, будучи среди них, придётся на них же и подниматься. Да ещё и с рюкзаком за спиной. Эту традиционную туристическую походную поклажу таскать на себе даже по равнине он не очень-то привык. Потому что не привык и к самим походам. Они привлекали романтикой, и симпатичными спутницами, но, по существу, туристом Вяч был начинающим, считавшим пеший переход в десять километров пределом человеческих возможностей, а вес рюкзака в десяток килограммов – неимоверной тяжестью... Вот с укладки рюкзака сборы и начались.

Кое-какой опытишко в этом искусстве имелся для того, чтобы знать: место соприкосновения рюкзака со спиной – очень важная часть организма человеческого. С организмом рюкзака предстояло справиться. Прежде всего необходимо решить, что запихивать в его утробу. Туристическая путёвка сухо и категорично рекомендовала: брать с собой только самые-пре-самые необходимые вещи... А какие они – самые необходимые? Ведь надо было учесть, что ходить придётся не только по горам, но после них и по Черноморскому побережью, где, говорят, довольно-таки жарко от климата и близости соблазнительных женщин. А в горах, надо полагать, холодно – если там снега вечные лежат и не тают даже летом, даже под ногами прекрасных туристок... Вот ведь: зимой, что ли, снега и холода здесь мало, чтобы за ними ещё и на юг ехать?... Летом-то? Может быть, и не ехать?... Раздвоение личности нарушало равновесие так же, как у Тартарена из Тараскона в знаменитой книге Доде... «Тартарен, покрой себя славой!» – вдохновенно восклицал один Тартарен и «Тартарен, покрой себя пледом», – сонно бурчал другой... Правда, ни славы, ни пледа у Вячеслава не имелось. Не было и размеров Тартарена: жировая прослойка отсутствовала начисто. Стало быть, необходимо в горном холоде себя чем-то обогреть. И первым на дно рюкзака лёг свитер. Затем то, что заменяло штормовку:

белая матросская роба – подарок друга – военного моряка. Дальше пошли остальные вещи, которые Вяч счёл необходимыми взять с собой для долгого путешествия по горным тропам и перевалам. Путёвка предупреждала: придётся пройти пешком сто двадцать километров...

Взвалив для тренировки на плечи свою поклажу, Вяч пошатнулся и понял: проблемой будет подняться не только в гору, но и по лестнице с цокольного этажа на поверхность земли. Тоже мне – «горный турист»... Воображение изобразило: заснеженная круча и сплющенное рюкзаком тело, вмёрзшее в неё с оледеневшими сосульками пота на лице... Сердце ёкнуло от нежной жалости к самому себе. Может быть – и в самом деле не ехать? А путёвка, выданная в завкоме?.. Вот она – на столе лежит. Вячеслав посмотрел на неё неприязненно с высоты своего роста ровно в сто восемьдесят сантиметров. При росте этом имелись пропорциональные плечи, голова тридцатидвухлетнего мужчины, покрытая не слишком густыми прямыми тёмно-русыми волосами, большие глаза, содержащие почти половину цветов радуги, над ними высокий лоб мыслителя, под ним крупноватый нос, подчёркнутый усами «бабочкой»... О симпатичности или не симпатичности своей Вяч не задумывался, но и красавцем себя не считал, и не комплексовал: каков есть – таков и будет. Всем угодить не собирался. К одежде почти равнодушен, модой не увлечён, к женщинам лоялен. Но не чрезмерно. Предполагал, что нравится некоторым из них, некоторые нравились и ему, но оставался холост внешне при полном боевом заряде изнутри. Характер имел... сложный: всех категорий поровну. Но в целом спокоен, слегка временами даже меланхоличен и при этом общителен, случалось быть и холериком – всё в зависимости от обстоятельств и настроения.

Но в горах всё оказалось не так уж и худо: «не так страшен чёрт, как его малютка». Дня два-три группа, состоявшая из таких же «чайников», «акклиматизировалась» в Пятигорске. Приятно жарком. Оттуда автобус направился к горам вдоль зелёной речки Зеленчук, почему-то казавшейся текущей вверх, а не вниз вопреки законам физики, и остановился в Архызе. Неожиданно неприятно холодном, несмотря на пронзительно ясный солнечный день. Юг же. Абрикосы на ветках живьём, «там чай растёт» и вдруг – холодно. Инструктор снисходительно: «Это же высота. Видишь – снег на горе? Оттуда и холод сюда». Кроме холода здесь ещё и дожди падали с близких небес плотным водопадом точно в одно и то же время определённое количество минут. Утром – солнце, после полудня – ливень, а потом опять солнце.

Рядом с турбазой развлекается белыми бурунами река. На реке – база байдарочников. Горных. По размеченной трассе машут вёслами, как крыльями, крутятся между висящими «воротами». Где-то в заветной глубине сознания считал себя байдарочником и Вячеслав – ходил по Горьковскому морю раз... несколько, скажем так. Но зато один раз угодил в шторм с громом, молниями, ветром и волнами в метр высотой – для байдарки испытание серьёзное. Но просьбу попробовать силы на горной реке могучий спортсмен в футболке и с дюралевым веслом отклонил довольно бесцеремонно: «Вот и ходи себе по Горьковскому морю своему – ещё потренируйся, а здесь можешь трупом поплыть». Вяч не настаивал: не хватало, в самом деле, ещё и не только с рюкзаком в лёд вмёрзнуть, но и по горным бурунам бесчувственным телом болтаться...

Комнаты, где предстояло прожить несколько дней, поразили живописным видом дверей: вместо гнёзд для замков топорщились щепки и зияли тёмные дыры. Тот же инструктор, черно-волосый красавец-крепыш с гордой горской осанкой, пояснил: «Это наши джигиты к жёнам ломились». Наши женщины переглянулись: «И к нам ломиться будут?» «А вы что – хуже других?» – усмехнулся джигит-инструктор. Дамы замялись: признаваться в худшем качестве самих себя не хотелось, но и возможность осады не радовала... Некоторых. Выход из положения нашёлся импровизированно: после вечерних танцев женщины шли кучкой к своим временным убежищам, позади них цепью с небрежно воинственным видом вышагивали мужчины русские, а за ними чернели головы и горящие глаза кавказцев... На турбазе обошлось без инци-

дентов, но аппетит наши туристки разжечь и воспалить способны были не только у джигитов. Замужних была только одна – в сопровождении плотного чернокурчавого мужа среднего роста и такого же темперамента зубного врача. Другие были свободны, кокетливы, полногруды, стройноноги и обладали всеми иными достоинствами, соблазнявшими мужчин сами по себе... Из-за этих достоинств и произошло то, что произошло потом в Авадхаре... «Шерше», – как говорится, – «ля фам».

Поход длился дней девять. Впечатлил. Не только красотой неописуемо прекрасных высоких гор. Кавказские сосны и пихты громадной высоты и толщины стояли на своих местах лет по четыреста – пятьсот. В дремучих лесах свисало что-то, очень похожее на лианы... В экзотическом полумраке девственных кавказских джунглей загадочно белели призрачные стволы незнакомых деревьев... Водопады. Облака... Они оказались совсем не такими плотными, как видятся снизу, когда кучерявятся высоко на небе. Туман – туманом. Только погуще и поплотнее равнинного. Никакой резкой границы облака с окружающим его воздухом нет – просто постепенно оказываешься в его брюхе – проглотило, а вы и не заметили. А потом покрываешься микроскопическими капельками влаги весь – даже мелкие волоски на обнажённых руках: Вяч шёл с засученными рукавами, внушив себе, что ему очень даже тепло. Да и в самом деле: при подъёме в гору под рюкзаком, весом под два десятка килограммов, на не очень большой высоте, под две, всего, тысячи метров над уровнем моря – очень даже вполне тепло. Если не стоять на месте. Группа не стояла.

Однажды в густой туче потеряли путь: забрели туда, куда не следовало забредать – далеко в сторону от перевала. Строго говоря, альпинистам известен на горьких опытах суровый закон: в тумане на горных путях идти категорически нельзя – чревато. Встань и стой, пока не развеется. Можешь присесть, если... Но группа, да и её проводник-инструктор по имени Миша, как абсолютно все без исключения инструктора турбаз Кавказа, законов альпинизма явно не знали и пёрли, куда нелёгкая вынесет. Вынесла, милашка, куда нужно. К вечеру вышли к туристскому приюту Дамхурц.

Любопытный приютец оказался. Довольно густой лес, никаких признаков поляны, между деревьями невероятной длины полуземлянка-полупалатка, крытая ветераном брезентом, неподалеку от неё стол со скамьями. Всё. До ближайшего поселения людей, для справки сказано, двадцать пять километров. Если не тридцать пять. За вином бежать далековато. Поужинали без него. Всей группе предстояло спать именно в том, что и называлось приютом – всем тридцати гаврикам и гавричанкам. Впоевалку. В спальнях мешках.

– Нет, ребятишки, я лучше на свежем воздухе, – решительно утвердил своё решение Вячеслав.

– Как – прямо на земле? – широко раскрыла глаза миниатюрная девушка Лена с обаятельной фигурой и длинной косой, перекинутой на впечатляющую грудь.

– Не так, чтобы очень уж прямо – вон сколько листьев валяется. А потом у меня же спальник, – ответил Вяч, приглядываясь куда бы поудобнее этот предмет уложить. Лучше всего, пожалуй, рядом со столом... Или под ним: «крыша» сверху будет, если вдруг дождь.

– И не страшно будет ночью одному? – лукаво, как показалось, стрельнула глазками Лена.

– Так ты ему ноченьку и скрась, – не очень приязненно подсказала рыжая Тамара, покачав своими роскошными бёдрами, вызывая и откровенно туго обтянутыми синим трико.

– Сама этим займись, – потупилась Лена и щёки её заалели не меньше обожжённого солнцем носика.

– Так я же, девчата, и против вас обеих ничего не имею! Только вот спальник у меня одноместный, – покосился невольно на бёдра Вяч.

– Так в тесноте, понимаешь ли, да не в обиде, – тряхнул шевелюрой и подмигнул женатый турист с необычно звучащим именем Вольдемар.

– У тебя что – опыт есть? – немедленно ошетибилась его жена Валерия.

«Вот ещё не хватало семейных сцен и страстей в горах», – поморщился Вяч. Ему были в одинаковой степени симпатичны и бёдра Тамары, и бюст Лены... Дорваться бы до них... А уж мы-то всегда готовы, как пионеры в борьбе за тело... Пошляки. При чём в сексе пионеры?... Впрочем, что такое пионер в переводе? Пионер – значит первый... Вот так первому встречному в походе женщина и уступит?... А почему именно «уступит»: может быть, она и сама хочет? Вон, Тамара, кажется, и не скрывает. А Лена – та не та... И вообще у неё всё покомпактнее...».

Мысли Вячеслава текли медленно и следовали одна за другой, как струи тёплого чая из носика чайника... «Интересное сравнение... Так что же я – чайник, получается?» По существу чайником он и был: кем ещё следует считать человека, впервые топчущего горные тропы, проложенные до него? «Пойду-ка я альпеншток себе срежу, а то так спать хочется, что не донесу до ночи». О существовании в альпинистской природе альпенштоков Вяч знал по художественной литературе, но никогда их не видел. Предполагал, что это нечто, похожее на прямую палку с металлическим наконечником. Используется для большей иллюзии собственной безопасности в горах. «И как дубина может пригодиться в крайнем случае. Нужная, короче, вещь. Да и спать хочется», – медленно думал Вячеслав, раздвигая руками и телом кустарник. «А из чего его?... Из кавказской черёмухи очень крепко получится. Найти бы только эту черёмуху... Ба – вот она, на помине...» Перед Вячеславом, стараясь казаться незамеченным, стояло стройное черёмуховое дерево. «Ну, что ж: извини, дорогая. Срезать тебя придётся. Для хорошего дела», – мысленно обратился Вяч к деревцу. И показалось ему, что вздрогнула черёмуха: не цвести ей больше.

Лезвие ножа вонзалось в древесину с трудом. С большим трудом. На самом деле тверда. Тем лучше – прочнее будет альпеншток. Надламывать нельзя – трещины пойдут по дереву. Медленно, но настойчиво, нож прорезался до середины ствола... Всё. Почти прямая палка сантиметра в три, не меньше, диаметром и в сто шестьдесят длиной уверенно легла в руку Вячеслава. Теперь её нужно превратить в посох... Нет – лучше, всё-таки, в альпеншток. Посох – это «звучит гордо», но ассоциации не те. Вяч чуть заострил конец палки-дубинки и скруглил его тем же ножом. Срезал кору, оставив её у верхнего конца с полметра... Запах-то какой! Терпкий, крепкий... На оставшейся коре надо что-то вырезать... На тёмном фоне показались слова: Архыз... Загедан... Пхия... София... «Очень красивая гора. И ущелье живописное... В горах всё живописно»... Дамхур...

– Чем занимается самый задумчивый человек в группе? – Вячеслав почувствовал мягкое прикосновение к своему плечу чего-то упругого и в то же время податливого. От внезапности немножко вздрогнул. Лена... Подошла близко, склонилась над плечом, рядом с его щекой её щека и глаза над ней. Смотрят, не отрываясь, искоса...

– Если я самый задумчивый, то я и думаю, – преодолев тёплую волну в теле от близости женщины, не очень приветливо буркнул Вяч.

– А мысли свои на палке режете, – опалила горячим воздухом из губ Лена.

– Почти. Не мысли, а пункты нашего маршрута вырезываю... Вырезываю... Вырезаю, то есть, – запутался Вяч.

– Очень интересно. Это чтобы не заблудиться? А что это за «дамхур» такой? Мы его, кажется, не проходили, – не отодвигалась Лена, сбивая дыхание Вячеславу.

– Это недорезанный Дамхурц, на котором мы с вами сей момент стоим, – покрывался лёгкой испариной Вяч.

– Ой! А за что вы его дорезывать хотите?... Кстати, кто стоит, а кто и сидит...

– Так садитесь, извините, – подвинулся на короткой скамейке Вячеслав.

– Лучше бы сказали, присаживайтесь.

– Я, знаете ли, уголовных понятий не придерживаюсь. Понимаю слова в прямом их смысле, а не в искажённом.

– Вон вы какой... Сурьёзный... А долго вы тут сидеть собрались?.. Мне сказали, что где-то неподалеку, вверх по течению вот этого ручья, очень красивый водопад есть... Очень бы посмотреть на него хотелось, – сделала многозначительную паузу Лена.

Вячеслав молча вгрызлся в кору ножом.

– А все, говорят устали сил никаких и мне не с кем, – позвучали жалобные нотки.

– А если и я устал? – не очень уверенно попросил пощады Вяч.

– Вы? Устали? Так, что не можете проводить даму? Не может быть: вы – сильный мужчина, – с неприступной уверенностью высказалась девушка, – все спят, а вы, вот, маршрут режете.

Ручей и без водопада был действительно очень хорош. Будто со старинного гобелена скопирован или, скорее, гобелен с него. Чистейшая вода миниатюрными водопадиками с музыкальным журчаньем скользила по гладким округлым камням. Вдоль течения по обоим берегам цветущие альпийские луга. И горы – горы – горы, в бархате лесов. Белоснежные плащи на вершинах...

Вот и водопад... Очень изящное низвержение воды вдоль отвесного обрыва метров в тридцать высотой, сложенного из плотно прижатых одна к другой скал.

– А что, если забраться туда – наверх? – прорезался вдруг в Вяче скалолаз, – там, должно быть, очень красиво.

– Вы умеете лазать по таким скалам? – недоверчиво взглянула Елена. – Они же вон какие гладкие и высокие.

– Да не очень и высоки... Седьмой – восьмой этаж городского дома, приблизительно...

Потом Вячеслав никак не мог припомнить: что, собственно, заставило его полезть на эту приблизительно высоту. Никакой необходимости не было, желания блеснуть удалью перед девушкой и тем покорить её душу, с перспективой на более материальную плоть, тоже. Просто он, ни о чём не думая и не предвидя своих дальнейших действий, не спеша подошёл к стене и полез на неё вверх. Оказалось, не так уж и трудно. Вяч легко находил зацепки для рук и опоры для ног, думая при этом, что, если не будет получаться дальше – спустится вниз, экая беда. Но не спустился. Довольно скоро достиг конца подъёма. И ахнул: перед ним лежали две каменные ладони, соединившиеся в чашу. В неё стекала с небольшого перепада широкая струя воды, еле заметной от прозрачности, с другой стороны чаши превращаясь в водопад... Каменные ладони выглядели настолько реалистично, что казались сделанными искусственно. Вид сверху тоже потрясал.

Внизу вида стояла, задрав голову кверху, укороченная фигурка Лены. Вяч отметил, что сверху вид на её бюст открывается поглубже и неожиданно для себя почувствовал желание быть к нему поближе. Для этого нужно было спуститься вниз. Кажется, не проблема: если поднялся – то уж слезть – пара пустяков. Вячеслав подошёл к краю отвеса и... Открытие: глубина обрыва визуально показалась почему-то более внушительной, чем высота. Открытие второе: если при подъёме он видел всё, находящееся выше, и мог выбрать опору, то при спуске под ногами не видно ничего, а перед носом – только гладкая поверхность скалы... Куда ставить ногу, за что вцепиться руками?.. Закружилась голова, грудь стиснул страх: сейчас сорвусь... Вячеслав снова вскарабкался на верх, не спустившись и на метр.

– Вячик! Спускайся поскорее! Пора уж возвращаться! – Донёсся снизу встревоженный крик Лены.

– Не могу!.. Знаю, что пора, но не знаю, как спускаться. Я же не вижу ничего под собой!

– Ну, попробуй! Ты же смог подняться!

– Смог то смог... А теперь не могу – не умею.

Вячеслав опустил на камень. Ничего себе ситуация! Что же – оставаться тут, как отец Федор из любимого романа «Двенадцать стульев»? Так тому легче было – сняли бедолагу

с пожарной машины, а тут и дороги нет ни для каких машин... Время шло, Вяч оторопело сидел, внизу отчаянно металась растерянная Лена.

– Давай я за группой сбегая – как-нибудь тебя снимем!

– Кран, что ли, пригоните?.. Или вертолёт?.. Можно бы с верёвкой. Я бы её закрепил за что-нибудь и спустился...

«Не добросить верёвку на такую высоту, – безнадёжно махнул рукой Вячеслав. – Да и нет её у инструктора – кто же мог подумать, что какого-то дурака дурь понесёт на такую скалу». Снизу донёсся плачущий голос:

– Вячик, родненький, ну придумай что-нибудь!

«И давно породнились? – криво усмехнулся Вяч. – Однако, действительно надо что-то предпринимать. Приведёт она сюда группу – смеху будет на весь Кавказ... Если до смеха дойдёт... Эх! Была – не была. Пропадать, так с музыкой. А где музыка... Ну и не надо». Вячеслав опять приблизился к краю пропасти. Нужно запомнить насколько возможно все видимые отсюда выступы и постараться на них попасть и угодить ногами и руками. «Не так страшен чёрт, как его малютка!.. Не такая уж эта стена и отвесная, как кажется. Градусов, может быть, семьдесят» Уняв дрожь в ногах и вибрацию рук, выключив все мысли, человек начал спуск... Спиной к стене. В такой позиции были видны все зацепки внизу. Непривычно и страшно иметь пустоту перед собой, но это был, пожалуй, единственный выход из положения. И он удался довольно благополучно, ели не считать прорезанных острыми выступами штанов на пятой точке тела...

Лена, подпрыгнув, повисла на шее Вячеслава, прижавшись к нему всем дрожащим телом. Хоть бери её вот прямо сейчас здесь, с места не сходя, на живописной природе. Вяч заставил себя не опускать руки ниже талии. После пережитого просто бесполезно... Да и кто их знает, этих женщин: сейчас эмоции, а можно и по роже схлопотать. Оно и не страшно, но толку-то... Толку не могло быть и потому ещё, что ледяной пот страха окатил его холодной волной только внизу – когда опасность миновала.

Сколько новых чувств и ощущений! Горы – не только иные пейзажи. Это иной мир, состоящий из вертикалей, направленных к высотам неба и настроений. Именно поэтому Вячеслава почти неосознанным порывом понесло на скалы. Рассудок исчез и включился вновь только от сознания видимой опасности. Хорошо, что обошлось благополучно. Уже потом, обучаясь азам альпинизма у супер-асов скалолазания, Вяч узнал: именно спиной к скале и рекомендуется спускаться – в тех, разумеется, случаях, когда это возможно: вертикальная стена такую вероятность исключает. «Наверное, меня Господь Бог спас и ангел – хранитель поддержал на той стене – очень уж крута», – поёживался Вячеслав, вспоминая.

С рюкзаком отношения, кажется, постепенно налаживались – всё равно от него не избавиться до конца похода. Вячеславу рюкзак нужен больше, чем рюкзаку Вячеслав. Начала эта ёмкость для груза с того, что усиленно тянула носителя своего вниз за лямки. Они врезывались в плечи. Было не столько тяжело, сколько больно. Тут прямая зависимость: чем тяжелее – тем больнее. Да и в спину что-нибудь упирается твёрдое, как его ни смягчай прокладками. Равномерно шагая по горным тропам, и без них, любясь сквозь пот со лба окружающей прекрасностью и сгребая его, Вяч придумал использовать в качестве контейнера пустой картонный ящик, который согласился бы принять в себя рюкзак. Отыскал подходящий возле турбазовской столовой. Впихнул в рюкзак и, не заботясь больше о хитроумной системе укладывания вещей, побросал их как попало. Свои плюс часть грузов группы – банки консервов. Эксперимент удался. Рюкз прилёг к спине всей плоскостью равномерно. Нести его стало, или показалось, гораздо легче.

Костёр отгорел, песни отпелись, разговоры отзвучали – пора и спать. Девушкам скучновато. На всю группу в тридцать человек мужского пола всего четыре с половиной единицы,

включая инструктора Мишу. Кроме него Вячеслав, Вольдемар, Андрей, долговязый субъект семнадцати лет, и обладатель полного имени Александр и короткого Саня, повар из ресторана, – он то и представлял собой половину единицы мужчины. Причина: незадолго до поездки «на юг» перенёс какую-то операцию на животе, от чего нёс пол груза, ел полпорции и шёл в пол силы. И хорошо ещё, что вообще шёл – мог бы объехать горный маршрут на автобусе и прибыть прямо в турбазу «Сокол» уже на берегу моря Чёрного. Саня просто не знал, что надо будет идти пешком через горные перевалы – отдыхать ехал...

Оскучав окончательно, группа расплзлась по спальникам внутри длинной норы – палатки. Вся. Кроме Лены. Она сидела возле угасающего костра на брёвнышке копошилась прутиком в мерцающих углях...

– Знаешь, Вяч... Слушай: почему ты называешься «Вячем»? Вячик – мячик. Не подходит тебе это... прозвище. Ты Вячеслав – это и звучит гордо.

– Зато Вяч короче. Так ребята в общаге прозвали. Я не против, – пожал равнодушно Вячеслав, подумав: «Шла бы ты домой, Пенелопа»... Поспать бы. Одному...» Но и уходить не могло́сь самому, пока Лена рядом. Подумает ещё, что он с ней общаться не хочет.

– Я всё думаю... Думаю всё, что было бы, если бы ты со скалы сорвался... Бессмысленность какая – ехать на юг, и здесь... – Лена не договорила.

– Если бы я сорвался были бы очень разнообразные события. Для группы в целом. А для меня не было бы уже никаких... Бессмысленность?.. А я так думаю, что нет ничего бессмысленного. Только мы не всегда понимаем смысл происходящего объективно. Мы всегда своё видение имеем. Не видим его там, где он есть и видим там, где его нет... Но и в этом таится какой-то смысл... Был же он в том, что я на скалу взобрался. Я увидел на её вершине реальную сказку – нигде такого больше нет. Ты её не видела и какой для тебя в этом смысл?.. Я увидел сверху чудесный пейзаж и твой испуг за меня... Или за себя?.. Страшно было бы одной по лесу идти?.. Наконец, и я испугался сам – того испугался, что слезть не смогу, а спускаться боязно – вдруг сорвусь. Это, знаешь ли, с непривычки как-то неприятно. Но я и преодолел свою трусость. Или она помогла мне преодолеть страх перед собственной нерешительностью и в результате я спустился... Разве в этом нет смысла?

– Послушай ты, философ. Ты хоть сам-то понимаешь, что говоришь? «Смысл бессмысленности в смысле преодоления осмысленной трусости перед бессмысленным страхом»... Это, я думаю, у тебя от пережитого на стене. Давай-ка ложись в свой одноместный. Простись с костром, проспись, а завтра, может быть, у тебя другие желания проявятся – «осмысленные в бессмыслице немыслимого смысла».

Лена иронично помахала ручкой и медленно приблизилась к тёмному прямоугольнику норы – палатки... И не вошла в него. Постояла рядом, поколебалась. Не хотелось погружаться в душную темноту повальной спячки, уходя из-под звёздного неба, из светлого круга костра, окружённого колоннами стволов деревьев. Хотелось подольше побыть с этим странным парнем: он что – не видит, что нравится ей?.. Вернулась костру. Вяч подбросил в него несколько сухих веток сосны. Угасающий огонь от неожиданности притих, полизал добавку и вновь ожил, заиграл.

– У меня какое-то совсем бессмысленное настроение, Вячеславик. И хочется задать тебе вопрос, в смысле спросить: почему ты стремишься к одиночеству? Ты мизантроп? – Лена пристроилась на торец кругляша, стоявшего возле костра.

– А почему ты думаешь, что я стремлюсь к одиночеству? – не оторвал глаз от своего «альпенштока» Вяч.

– Ну как же – ты даже спать собрался возле кострища один...

– «В отрыве от коллектива» хочешь сказать?.. Так спящие всегда и все одиноки, даже если спят вповалку – никто же никого не видит, потому что спит. И снит себе персональные сны кому что нравится себе снить... А я комфортно себя чувствую в кафе, барах, на вокза-

лах, в скверах... Среди не знакомых людей, в общем, собравшихся в одном месте... Уточняю: не собравшихся вместе, а в одном месте, но каждый сам по себе... Они сидят одиночками, парами, группками. Окружающих не знают и окружающие не знают их и поэтому, хотя бы, не имеют к ним никаких претензий и счетов... А значит дружелюбны... Или, во всяком случае, не враждебны друг к другу. И с ними хорошо...

– Но они равнодушны к тебе и одни к другим.

– Равнодушие бывает привлекательнее вражды. Оно способно перейти в дружелюбие, если познакомиться... Лучше быть среди равнодушных, чем в плену у врагов...

– Но ведь кто-то сказал, что надо бояться равнодушных, потому что с их молчаливого согласия происходит самое страшное зло на земле.

– Это верно. Но те, кто это зло творит всё равно страшнее тех, кто соглашается с ним. Они-то его не делают... Если не нужно ни с чем плохим соглашаться, то равнодушные – вполне приличные люди... Да ещё и вопрос: согласятся ли они? Впрочем, о чём мы говорим? Всего лишь о том, кто вот тут перед тобой сидит с острым ножиком в руках некий тип, бессмысленно режет, не до смерти, палку и общается с очень симпатичной девушкой весьма осмысленно...

– Ты вовсе и не тип, – зарделась даже в полумраке Лена, – а... Спасибо за лекцию. Я всё же пойду спать. Спокойной ночи, типунчик.

«Типунчик», – усмехнулся Вяч, проводив глазами изящную фигурку Лены. «Чёрт те что и с боку бантик», вспомнился вдруг с какой-то стати смешок другой Елены – с работы. Такую загадку та Лена загадала ему однажды за праздничным столом в уютной компании: что, дескать, это такое за «чёрт те что» и, особенно, бантик сбоку?.. Ответ оказался прост и, как подумалось Вячеславу, многозначителен: голый мужчина в профиль... Но до «бантика» в тот раз дело не дошло... «Или тело не дошло?» – опять хмыкнул Вяч.

Тело телом, а дело делом – нужно обжечь конец альпенштока в костре, чтоб твёрже был. Вяч вынул нож, аккуратно обстрогал более тонкую часть посоха, очищенную от коры, сунул в угли. Подождал, пока не задымилось, вынул, осмотрел. Ещё раз погрузил потемневшую древесину в раскалённую массу углей, сверкавшую фантастическими драгоценностями... В одной из книг о путешествиях... или об индейцах, кажется, говорилось: после обжига древесина твердеет. Именно этот конец и станет опорным в походе... Или ударным, если понадобится.

Проследив за угасающим костром, не желая оставлять его в одиночестве, устроился на ночь и Вячеслав. Под стол забираться раздумал: его крышка крыша ни к чему – дождя не будет. Развернул спальник вдоль скамьи на земле, подложил рюкзак под голову. Альпеншток под рукой... Поёрзал, выбирая местечко помягче... «Как она меня назвала?.. Вячеславчик?.. Типунчик... Забавно. А её как можно придумать звать?.. Ленчик... Елёнушка... Леночка-пеночка... Ленунчик-липунчик?.. Сплюховал я на той скале... Сорвался бы – поминай как звали... А, может быть, уже под скалой сплюховал?» Вяч потянулся, вообразив тело девушки рядом со своим... Прикосновения бёдер, груди...

Лена с её косой, по совмещению всех их прелестей с его телом после сегодняшнего длинного перехода и перед таким же завтрашним, колебалось...». Лучше спать спокойненько. – решил для себя Вячеслав, – да и шутят, небось, девки». О практически безграничных свободах сексуальной любви на «югах» он наслышан был изрядно. Но думал об этом скептически. Хвастают, скорее всего, мужики: мол, и мы тут не промах. Нам только дай...

Снов не снилось. Тело плавало в невесомости сна и спокойствия... Горячее дыхание овеяло щеку. Что-то тёплое и влажное нежно коснулось носа... «Лена?.. Пришла всё-таки?» – истома прошла по сонному телу – вот сейчас... Вяч открыл сомкнутые веки, ожидая... Огромные глаза смотрели прямо и внимательно. Громадный и мокрый плоский нос, пушистые уши. И рога... Корова! «Приснится же такое... Откуда здесь корова?.. Жаль, что не Лена». Вяче-

слав натянул капюшон спального мешка на голову, закрылся наглухо, повернулся на бок. Стал спать дальше.

– Ну, ты и жрать, Вячеслав! – проснулся под такую сентенцию наш герой.

– Кого жрать, зачем жрать, сколько жрать? – Среагировал Вяч. Машинально, высунул голову из спальника. Открыл глаза и опять закрыл от ослепительного сияния солнца.

– Сколько сколько... Где продукты? Ты всю ночь здесь дрых или как? Куда еда подевалась? – Инструктор Миша смотрел вполне серьёзно.

– Какая такая еда? – Продолжал недоумевать Вячеслав.

– Вы видали его? Что такое еда забыл человек! Та самая, которая вот на этом столе вчера вечером стояла! Масло, тушёнка, конфеты, сахар, хлеб, сухари! Вот что за еда. Как корова языком слизнула! Ничего нет! – негодовал Миша, вращая чёрными глазами.

– Корова?.. Корова, кажется, была, – припомнил Вяч, – большая такая... И с рогами.

– Неужели? И рога имелись? – прыснул смехом Вольдемар.

– Может быть, у неё и рот был? И тем ртом она тушёнку прямо в банках сожрала?! – вспыхнул инструктор.

– Про рот не помню. Может, и был. Чем-то она меня поцеловала, – всё ещё не проснулся как следует Вяч. – Да что ты ко мне прицепился, в самом деле? Я спал всю ночь на этом самом месте, не сходя. Ничего не видел... Банки не ел – могу попрыгать – не забрякают. Украл? Вот мой рюкзак – смотри. Ничего чужого в нём нет...

Вся группа окружила стол. Металлические кружки, ложки, плошки, чашки, несколько кусков недоеденного хлеба, крошки... Вечером на нём оставалось всё, перечисленное инструктором. Теперь не было.

– Спёр кто-нибудь, или шпионерил, – не уверенно предположил Вольдемар.

– Какое «спёр»? Какое «шпионерил»? – воздел обе руки к синему небу Михаил. – До ближайшего аула двадцать километров! Кто оттуда придёт?

– Так ведь пришёл же кто-то – продуктов-то нет, – резонно возразил Саня-повар.

– Пастухи, скорее всего, – мудро догадался Андрей.

– Глазами младенца глаголет истина, – задрала голову на «младенца» Елена. – Скорее всего они и есть. Коровы мимо проходили, с нашим Вячеславом поцеловались, обаятельный же мужчина. А пастухи для себя вещи поинтереснее нашли. Таких продуктов и в городе не всегда достанешь, дефицит, а тут – с доставкой на дом, то бишь в горы.

– Ага. Хорошо хоть Вячеслава с собой не взяли... А если бы к нему ещё и Лена пришла – непременно бы её в бурку и – на шашлык, – невинным голоском прибавила Тамара.

– То-то ты рада бы была... На тебя бы не позарились, – не осталась в долгу, зыркнула глазами Лена.

– Это мы ещё посмотрим, – гордо вскинула корону из волос на голове Тамара. Посмотреть на ней да – было на что...

– Брэк, девушки... Кто продукты нёс, но на стол вчера не выставил – давайте всё сюда, – озабоченно потребовал Михаил. – Надо рассчитать продукты на остаток времени. Особо голодать, конечно, не будем – Авадхара не за горами... А потом и Рица, и харчо, и шашлык, и кому куда, и кому что...

Укладывать рюкзак Лена всё-таки решила не в узкой суете сумрачной палатки, а на свежем воздухе. «На лоне природы», мысленно усмехнулась. Выволокла необходимый набор вещей наружу и пристроилась с ним на солнечном пятачке среди деревьев. Уже припекало. Стянула через голову свитер, выпустив на свободу тяжёлые груди, вздохнула... «Скучноватая группочка... Мужичков бы побольше, а то только Вячик и достоин чего-то, пожалуй... Миша тоже ничего, вроде бы, да ему туристки, небось, уже оскомину набили... Смотря какие,

между прочим...». Лена слегка повела бюстом, потянувшись до треска в спине... А кто это там, за кустами?... Между веток кустарника виднелась чья-то загорелая фигура, обнажённая по пояс. Фигура медленно совершала какие-то замысловатые движения. Вот прямая ладонь правой руки тихо скользит вдоль предплечья левой, левая отходит назад, потом резко выпрямляется ударом вперёд с вывертом кулака, отводится молниеносно назад правая и роли меняются... Рельефные мышцы, сильная грудь... Так это же Вячеслав! Впервые увидела Елена его тело. «Каратист, что ли?... А ничего себе мужичок. Есть за кого в случае чего спрятаться – небось врежет так врежет... Заняться, что ли, всерьёз. Без шуточек?..»

Вяч вытащил из кармана штормовки, валявшейся на траве, что-то похожее на бинт. Аккуратно обмотал им правую ладонь, сжал её в кулак, подошёл к обломку скалы. На нём – тёмно-зелёная мощная бутылка с этикеткой шампанского. «Пить будет? Угостил бы хоть...» – не успела домыслить Лена. Вяч встал перед бутылкой в стойку, согнув руку и поставив забинтованный кулак у пояса. Быстрый, как молния, жест – рука вперёд и бутылка превратилась в осколки стекла и облачко пыли... «Кулаком в пыль. Бутылку из-под шампанского! Класс!» Лена подпрыгнула и хлопнула в ладошки: «Браво! Бис!»

Вяч недовольно обернулся, заметил Елену. Приложил палец к губам, отрицательно помахал рукой. Подозвал к себе. Освобождая кулак от доспеха, попросил: «Ты, Лен, никому, пожалуйста, не рассказывай о том, что видела. Почему?... Потому что не надо – раз, потому что прошу – два, и потому, что это дело у нас в стране запрещённое, а я – мужик очень законопослушный. Даже до такой степени, что самому противно, но что поделать – такой уж я человек. Это уже – три. Договорились? Вот и умница, вот и красавица».

Через полчаса вставшие в походный строй женщины многозначительно переглянулись: Лена с абсолютно безразличным видом пристроилась поближе к Вячеславу, одетая в маечку, не оставлявшую никаких сомнений в достоинствах её эффектного бюста с рельефными сосками, обнажённого до едва допустимых пределов...

Авадхара – конец и начало. Конец пешего маршрута. Начало причерноморского отдыха. Финал приключений горных. Старт иных... До начала конца нужно пройти ещё двадцать шесть километров. Строго говоря, при пешеходных горных переходах расстояние измеряют не километрами – временем. Столько же километров на равнине – совсем не то, что в горах. Внизу путь – прямая линия. В горах – пила с гигантскими зубьями: через эти зубья и топаешь вверх – вниз – вверх – вниз... Катаешь на себе рюкзак. А в нём – всё своё несёшь с собой, кроме того, что надето на тело...

Группа шла компактно. Особо рвущихся вперёд и нудно отстающих не имела. Только «Полтора туриста» часто брели замыкающими: Саша и Саня. Один по младости, другой по усталости. Молчал, но заметно не очень-то дюжил. Кончилось тем, что Миша поставил их идти первыми, а рюкзак санин, под аккомпанемент его возмущённого ворчания, несли по очереди то инструктор, то Вяч. Для разнообразия помогавший и Лене натрудных, по его мнению, участках пути и имевший при крутом подъёме перед глазами её нижний бюст, очень туго обтянутый и не менее впечатляющий, чем верхний, только без декольте...

Года через два потом этот же маршрут Вячеславу показался бы простой прогулкой, а тот же вес рюкзака – почти забавой, по сравнению с альпинистскими переходами и грузом. Но сейчас поход был первым... Он, начавшись утром, к вечеру доконал. В Авадхару вступили на полусогнутых. Едва достояли традиционную линейку с непременно компотом, вроде бы сладким – не поняли. Дотащились до временно выделенных домиков, спустили с себя родные рюкзаки и повалились там, где стояли – на пол... Блаженство. Неподвижно лежать и не двигаться. Ни в коем случае. Ни чем. Особенно ногами. Даже не моргать. Пусть и веки отдохнут. Им тоже досталось...

Но какая красотища!.. Вячеслав восхищённо видел даже сквозь закрытые веки. Идеально ровная площадь турбазы, покрытая мелким щебнем светло-серого цвета... Острые наконечники стрел тёмно-зелёных кавказских елей и пихт, и вокруг – мощными высокими громадами-пирамидами горы. Чистые горы – без растительности. Ни травы, ни кустика, ни деревьев – на такой высоте они уже не растут. Скалы и камни. Снега возле вершин. Сами вершины. Всё – освещено медленно плывущим к закату солнцем. Кроме тёмно-синего неба, лучам светила не подвластного. На нём бледная, словно полупрозрачная, луна... Между тел гор, в ущельях, сиреневые облака. Фантастика. Уже только ради того, чтобы увидеть такое, нужно идти в горы. «Внизу не встретишь, как ни тянись, за всю свою красивую жизнь, десятой доли таких красот и чудес». «Десятой...» Сотой! Вячеслав вбирал в себя и красоты, и чудеса навсегда...

Неподвижность наваливала дрему... Навалила... Вяч, принявший йоговскую позу абсолютного расслабления, вошёл в образ жаворонка, растворяющегося в бесконечности неба, начал засыпать...

– Эй, камыссар! Заснул, что ли, гэнацвалэ? – раздался чей-то зычный глас от дверей.

«Какой ещё комиссар?» – недовольно прислушался Вяч, не выходя ещё из образа.

– Я тебе говорю, с ножиком! – настаивал тот же голос.

«Ага – это уже про меня» – сообразил Вячеслав, вспомнив про миниатюрный ножичек в цветных кожаных ножнах, висевший на его поясе. Жаворонок метнулся в сторону и исчез, помахав на прощанье крылышками. «Вот канальство полетать... то бишь – отдохнуть не дадут. Чего надо?»

– Это ты мне? – сев в позу лотоса, посмотрел Вяч в сторону двери. – Какой я тебе комиссар?

– Ты не мне камыссар. Ты вообще камыссар – вон у тебя на пузе звезда, – голос принадлежал, оказалось, тщедушному, но гибкому на вид кавказцу лет двадцати пяти природно черноволосому с короткой стрижкой спортсмена.

Вячеслав догадался: его брюки плотно поддерживал поясной ремень отца образца военной формы тридцатых годов с пряжкой виде звезды.

– Ну, пусть буду я «камыссар». Дальше что?

– А ты меня не передразнивай, комиссар, – вдруг утратил кавказский акцент черноволосый. – Я знаю, что ты не комиссар. Тебя как зовут?

– Вячеславом меня зовут. А ты кто такой?

– Я Рэзо... Так ты, Вячеслав, не комиссар. Ты – дурак, – белым кукурузным початком зубов смотрел прямо в глаза Вячу Рэзо.

«Ты смотри – нарывается парнишша», – слегка удивился Вячеслав. Слегка потому, что уже наслышан был о беспредельной агрессивности «сынов гор».

– Ну что тебе сказать, дорогой... Сам ты дурак в тройном размере. Не оригинально, но факт, – готовясь вскочить на ноги, парировал Вяч.

– Да ты не абижайся, гэнацвалэ, – вновь решил восстановить специфический акцент кавказец, обаятельно блеснув зубами. – Я про поговорку русскую: «умный в гору нэ пайдёт – умный гору абойдёт». Ты гору не абошёл – значит ты не умный, а дурак. На меня нэ абижайся – на поговорку свою абидься.

– Слушай, знаток русских поговорок, тебе чего? – подал голос «Пол-туриста», не отрывая затылка от рюкзака. – Видишь, люди отдыхают. Гулял бы ты отсюда.

– Мне ничего... Только вопрос к Вячеславу: не продашь свой ножичек? Очень он у тебя красивый.

Вяч глянул на пояс. Этот ножик куплен в Риге. Сувенир. Крохотное толстое лезвие из так себе стали на чёрной рукоятке. Довольно тупое. В кожаных ножнах. Вот они, пожалуй, красивыми и были, тиснёные с простеньким орнаментом. Главным привлекающим достоинством

ножика была цепочка, которой Вячеслав соединил ножны с рукояткой, и значок, приколотый к ножнам. Болтался сувенир на поясе для интриги и украшения. Заинтриговал кавказца.

– Нет. Не продам. Это мой амулет – удачу в походах приносит.

– Ты его, значит, носишь, а он тебе удачу приносит... Да, если амулет – продавать нельзя, – согласно покивал кавказец, коротко призадумался. – Тогда давай мэнаться. Что ты хочешь взамен?

– Послушай, Рэзо, я вообще не готов ни к продаже, ни к обмену... Разве что кинжал кавказский национальный...

– А вот это у нас не получится. У нас кинжалы родовые – от рода к роду по наследству. Их тоже нельзя ни продать, ни менять... А вот это тебе не надо? – кавказец согнул указательный палец крючком и словно поманил им.

«Это что за намёк такой» – подумал хмуро Вяч.

– Не понял, – сказал вслух.

– Какой ты непонятливый, товарищ камыссар. Ну – вот это, – забросил руку за спину кавказец и выбросил её оттуда с... пистолетом Макарова в кулаке. – Я тебе – пыстолэт, а ты минэ – свой кынжальчик.

Вячеслав взял в руку грозно увесистый предмет. Настоящий. И номер заводской...

– Ты нэ самневайса. У меня к нему и две запасных обоймы есть – все твои будут. Стреляй кого хочэш!

– А я, понимаешь ли, нэ хачу, – вооружился зачем-то акцентом и Вяч. – Не возьму я твой пистолет. Давай лучше останемся каждый при своём оружии.

Сказал эти слова Вячеслав с внешней твёрдостью и с внутренним сожалением: иметь пистолет, что ни думай и что ни говори, не лишне... Не предполагал он, что вскоре вспомнит о том пистолете...

– Ну, если совсем не хочешь... – Рэзо, не договорив, вздрогнул от внезапно резко хлестнувшего тишину выстрела. За ним сухо треснул другой. Кто-то дико завизжал. – Что такое?

Все лежавшие выскочили наружу. Снова загремели выстрелы, раскатываясь по окрестностям переливчатым эхом. Кто-то палил, судя по звукам, где-то поблизости. Рэзо прислушался – помчался на звук. Пистолет из его руки куда-то подевался. А на выстрелы никто из окружающих, кроме группы туристов, не обратил никакого внимания. Спокойно прошагал какой-то мужчина в сванской шапочке с карабином на ремне через плечо... Второй шёл ему навстречу с винтовкой... Среде бела дня открыто с боевым оружием. Пистолет за просто за какой-то ерундовый ножичек... Вернулся Рэзо, смеясь и качая головой.

– Почему стрельба? Что случилось? – повернула в его сторону голову Тамара, не приподнимая её со своего рюкзака, лежавшего на полу.

– Потому стрельба, что стреляли, дэвушка красавица, – Рэзо хлопнул себя по бедру. – Этот Томаз такой горячий, такой бурный... Вулкан, а не Томаз. Атомная бомба, а нэ Томаз... Тут рядом склад продовольствия для геологов. А он его дыректор, и мой начальник, и он ушёл немножко по своим дэлам. И в тот склад забрела сабака по своим нуждам. И сожрала круг колбасы. Копчёной – она ей понравилась. Ещё бы – дарагая такая... И Томаз взял карабин и застрелил эту жадную и савсем плохую сабаку. А потом пэрестрэлал всех других сабак, которых увидел вокруг сэбя. Всех до одной... Шесть штук. А пэрвая собака оказалась сукой кормящей. И у неё шэсть щенков. Бэз папы... Кто их теперь кормить станет? И вот тот Томаз сэйчас сидит возле тех щенков и плачет насквозь – кается: «Сиротки мои, как же вы теперь бэз мамы с папой... Простите мэня, сволочь такую – я теперь ваш папа буду, сукины вы дэти». Пёс, который сука, между прочим, охотничий и породистый... Был... То бишь, была.

Действительно, собаки, недострелянные вулканическим Томазом и спокойно бродившие по турбазе, все, как одна выглядели чистокровными охотничьими особями различных пород. Даже одна борзая промелькнула.

Солнце спряталось за высокий горный хребет, предупреждая о скором наступлении ночи в ущелье, хотя более высокие вершины ещё были ярко им освещены. Усталость, казавшаяся непреодолимой, почти прошла. На высоких горах такое явление обычно – отрицательные ионы, пропитавшие воздух, делают своё доброе дело. Авадхара – уже юг. Это чувствуется в каком-то особенном тепле воздуха, растительности и в чём-то неуловимом... Не сидеть же не турбазе, когда вокруг так много необычного. Туристу необходимы впечатления и перемена мест пребывания. Кто-то вспомнил о прославленном изобилии минеральных источников кавказских гор и о том, что до сих пор ни одного не видели...

– Нэт проблем! – эмоционально вскинул руки к небу Рэзо. – Тут неподалеку как раз есть адын очень кавказский мынеральный ысточник. Нэ вода – мёд с солью и весь в пупырышках.

– Это как? – потряс головой Саня-полтуриста.

– Как-как... А вот так: вкусный, как мёд, салоний, как мынеральный вода и газырованный... Там рядом ещё и кафе есть. Можно харашо посидеть с красивой дэвушкой. Вот такой, как ты, – указал на Тамару. – Источник тоже красивый. Весь выложен.

– Чем выложен? – заинтересовался Саша.

– Камнем выложен. Арка, стены, скамейки, изгородь. Кто пойти захотел?

– В самом деле может сходим? – Вяч оглядел товарищей. – Далеко идти?

– Для вас – совсем не далеко, – успокоил Рэзо.

– Почему именно для нас не далеко? А для кого далеко? – решила уточнить Лена. – Для меня, может быть?

– Именно для вас потому что вы – туристы. Привыкли ходить далеко и высоко, как олени... И газэли, – добавил Рэзо, взглянув на Тамару. – А тэбя, если ты устанешь, я лычно на руках понесу, – перевёл глаза на Лену.

– Кто бы ещё разрешил, – строптиво парировала Лена, – Меня есть кому нести, даже если я и не устала.

– Так тем более! – подхватил кавказец. – Ну, кто пойдёт?.. А вон и ещё один нам попутчик. Эй, Николай! Подходи сюда, дарагой.

Приблизился невысокий, но плотный, парень лет двадцати пяти, рыжеватый, синеглазый с внимательными и какими-то настороженными глазами. На левой щеке тонкий шрам от виска до нижней челюсти. Поздоровался.

– О чём речь, куда и кому я попутчик? – Обвёл взглядом группу.

– Да вот собрались к источнику идти, а ты, я слышал ненароком, тоже в ту степь направляешься, – опять забыл про свой акцент Рэзо.

– Так далеко или как? Ты, кажется, не договорил, – доводил до конца вопрос Вячеслав.

– Да километра два всего. В один конец туда. В другой конец, обратно, три.

– Это почему же такая разница? – удивился Полтуриста.

– Потому что кто идёт, а кто и тащится... Потому, что обратно немножко в гору и потому, что с минеральной водой в брюхе тяжелее. Зато без рюкзаков.

Русло дороги, как обычно в горах, текло вдоль русла реки. Такой же шумливой, как и в северной части кавказских гор. Только шум её казался мягче и миролюбивее. Пейзаж ближний тоже навевал романтические мотивы. Пейзаж дальний суров. Вершины молча и надменно смотрели куда-то в пространство, отрешённые от всего земного...

По дороге, полого спускавшейся вниз, шли десять человек: пять девушек – туристок, полтора туриста, Вяч, Рэзо и Николай. Кавказец возбуждённо о чём-то болтал, в своей манере то с акцентом, то без него, шагая в центре внимания прекрасного пола, Саша с Саней хохотали его шуткам, а Вячеслав с Николаем поотстали немножко. Вяч взял с собой и альпеншток. Положил его на плечи, повесил на него обе руки и так шёл, представляя собой движущуюся букву Т.

– Ты как тут очутился? – протягивая раскрытую пачку «Опала» Николаю, осведомился для начала разговора Вяч.

– После горного техникума распределили сюда. Мастером. Здесь рудники... Разные. На три года послали. Год прошёл... Как ты думаешь: этому Рэзо сколько лет?

Вячеслав уже обратил внимание на странную, со спины, шею кавказца. Худая, вся в сложном орнаменте морщин и складок, она могла принадлежать только старику лет под... Трудно сказать сколько, но никак не меньше семидесяти.

– Ты что-о, – протянул Николай, – ему и тридцати нет. Двадцать пять годиков. Всего. И он не Рэзо, а Орхан. И не грузин, а турок... На урановом руднике работал... – Николай извлёк из пачки сигарету, потянулся прикурить.

– Так ты здесь один русский, что ли? И как? Прижился?

– Шрам видишь? Как у Отто Скорцени. Только у меня не от шпаги. А от кинжала... Кавказские кинжалы очень острые. Острее бритвы... Здесь принято «прописывать» новичков. Чтобы он угостил всех, кто с ним работать будет... А кто будет на урановых-то? Тот, кого в других местах уже не возьмут – уголовники. Освободились, работать, чтобы жить, надо. И на зону нет охоты попасть опять... Куда деваться? Вот сюда... Так вот насчёт угостить у меня пробел получился – денег нет на всю ораву. Подождите, говорю, будут – угощу. Согласились. Месяц ждут, два ждут, три... Терпеливые ребята оказались. На четвёртый не выдержали. Придрались к чему-то и вот – шрам остался. Намекнули «деликатно», что дальше будет, если ещё ждать заставлю.

– Как же выкрутился? Ты же у них мастер – начальник над ними.

– Это я на работе им начальник, а после неё – такой же человек, который их должен угостить – обычай такой... Занимать пришлось в долг. Пятьсот рублей.

Вячеслав присвистнул: многовато будет. Стоимость путёвки, по которой он здесь оказался, на двадцать два дня сто двадцать рублей... Оклад Вяча, тоже мастера, только авиационного завода, сто двадцать восемь рублей. Четыре оклада. Солидненько, ничего не скажешь.

– Отдал долг-то?

– Не полностью ещё. Питаться на что-то нужно же...

– Я смотрю тут многие с оружием ходят. В открытую. Карабины, ружья... Даже пистолеты, может быть? – Вяч будто бы предположил.

– Не может быть, а есть. И автоматы есть, и гранаты. Тут полно всякого оружия. Со времён войны склады немецкие остались – не успели вывезти... В них арсенал богатый и в полном порядке... И охотой многие промышляют. Потому и с оружием ходят. Стрелки отменные... – Николай докурил сигарету, выщелкнул её в реку. – А вон и источник, и вон и кафе – я в нём и «гулал» со своими на свои.

Впереди лежал, опираясь концами на крутые скалы берега, плоский мост. На правом берегу виднелось некое экзотическое сооружение, сложенное из таких же, как множество валявшихся кругом камней. Чуть повыше его – одноэтажное стандартное белое здание. Об его архитектуре явно никто творчески не помыслил, и оно топорщилось белым прыщём на фоне живописных скал. Здесь и взяли бутылку красного грузинского вина – в честь первого источника минеральной воды, наконец-то увиденного, и конца похода. «Чисто символически».

Вода действительно оказалась похожей на описание Рэзо-Орхана грузино-турка: «мёд с солью и весь в пупырышках». Последнее Вячеслава удивило: он был уверен, что продающуюся в России минеральную воду газируют искусственно – каким иным образом можно запихнуть в воду газ? Но вода газированной текла прямо и непосредственно из источника в первоначальном состоянии.

Вина досталось всего – ничего на жаждущий рот. Но голова слегка поплыла, навевая душе умиротворение... Можно было уже отправляться восвояси. Перед походом в «три» километра присели передохнуть и поднакопить силы. Девушки поглядывали на кафе...

– Может быть, заглянем поглядеть что там внутри? – прощупала ситуацию Лена.

– Заглянуть и поглядеть можно, но не более того – денег с собой не взяли... Если у тебя есть – заглядывай одна. – Пожала плечами Тамара.

Лена промолчала, вздохнула, потупилась.

Вячеслав потупил взор тоже. В кафе и он был бы не прочь. Да причина перевешивает – деньги кое-какие имелись, но только именно кое-какие, а точнее никакие – едва хватило бы для минимума минимальных развлечений на Чёрном море и на дорогу. Посещение кафе могло стать катастрофой...

– Здравствуйте добрый вечер, красавицы! Что такое? Пачэму такой грустные? Дэвушкам в Грузии скучать нэльзя ни в коем случае! Нэ пазволим!

В ворота вступили два высоких грузина. Один – вылитый киноартист Вахтанг Кикабидзе в молодости, второй – отдалённое подобие Олега Басилашвили того же возраста, тоже хорош. Костюмчики, галстучки... Сияние зубов и пламенных глаз. Они именно вступили, а не просто вошли, два гордых и самоуверенных «сына гор».

– Разрешите пригласить вас в кафе? Нэт! Мы вас приглашаем даже бэз разрэшэния! Вы наши гости на Кавказе, и мы обязаны вас угостить. Как у вас в России говорят: мылости просым!

– У нас говорят мылости просим, – глянула и усмехнулась Тамара.

– Ну, мылости просим пожаловать с нами в кафе, – ещё ослепительнее блеснул зубами «Кикабидзе», широко раскинув руки, словно хотел обнять всех и каждую. Радужие сияло в его выразительных глазах как каминное пламя.

Девушки молча переглянулись. Неопределённо пожали плечиками. Подняли бровки, поджали губки. И хочется, и чего-то колет. Незнакомая местность, незнакомые мужчины...

– Мы подумаем. Можно? – стрельнула очами Марина из-под чёлки белокурых волос, поводя бюстом, подчёркнутым полосками тельняшки.

– Канэчно, можно сколько угодно думать, только не очень много, – несколько противоречиво разрешил «Басилашвили». – Мы тогда пойдём сейчас, закажем для вас что-нибудь такое, чего вы нэ видели, нэ кушали и нэ пили. А вы пока подумайте, как бы сделать так, чтобы нас нэ обидеть.

Великолепные кавказцы ушли, о чём-то переговариваясь на ходу.

– Ну, что, девушки, взаправду пойдём, что ли? – первой нарушила вопросительное молчание Лена. – А вы, ребята, пойдёте?

Полотра-туриста молча, но решительно замотали головами. Вяч спокойно:

– Я денег с собой не взял.

– Да ведь эти ребята приглашают – они и заплатят, наверное, – не глядя на Вячеслава, рассудила Елена.

– Мужчина платит за себя сам... Расплачивается тоже. Да нас и не приглашали. Только вас – вам и решать... Только... – Вяч замолчал.

– Что «только»? Договаривай, если начал, – потребовала Марина, оправляя потуже тельняшку.

– Я хотел сказать, что грузины – не русские простецкие ребята. Наши угостят девушку, проводят и, если, извините, не светит, скажут до свиданья. А грузин, если за девушку заплатил, просто так не отпустит – ему благодарность нужна вполне определённая. Впрочем, – это дело ваше, потому я и не хотел договаривать.

– Ну, ты уж слишком... Видно же – вполне приличные люди... Короче, девки: кто пойдёт в кафе? – Лена решительно подняла руку.

– Давайте все и пойдём. Нас чем больше – тем ежели что... – подхватила Марина.

– Нет. Вы идите, а я останусь, – усмехнулась Тамара.

– Что так? – Усмешка тронула и губы Елены. На Вячеслава упорно не смотрела.

– Да так. Просто не хочется. Здесь лучше как-то. А там накурено, надышано... Да ещё и наблёвано может быть. Не хочу, одним словом. – Тамара опустилась на каменную скамью рядом с Вячем.

Вячеслав слушал и наблюдал за происходящим внешне вполне спокойно, но внутренне удивился. Не ожидал от Лены. Уж кто-кто, а Лена?.. Вот так сразу согласилась пойти в компанию с не знакомыми грузинами, будто только того и ждала?.. «А что же ты думал: она в тебя втрескалась и на других уже ноль внимания? – ехидная кольнула мысль. – А может быть и ждала? На юг кто за чем едет, а женщине успех нужен для самоутверждения, хотя бы. Ты, видать, не обнадёжил. Да и без денег, к тому же... Току от тебя на юге, как от пустого пылесоса... А Тамара?.. Это интересно».

Договорились: девушки, кроме Тамары, идут в кафе на какое-то время, а оставшаяся группа ждёт возле источника, сколько терпения хватит. Окончится – предупредит: уходим, мол. «А там – дело ваше», – прибавил Вяч мысленно. Поступок Елены задел его за живое неожиданностью и коварством, как ему казалось. Ревность?.. Пожалуй, но, кроме внешних впечатлений от её поведения, никаких оснований для этого чувства нет. А всё же...

Стало как-то скучновато.

– Кто тут у нас самый молодой и на ногу быстрый? Саша, кажется? – почти бодрым голосом нарушил молчание Вяч.

– Если я, то что с того? – Насторожился тот.

– С того, что идея небольшая имеется. Не распить ли бутылочку вина в честь окончания горной части похода? Может, скинемся по «рваному»?

Скинулись. На это средств хватило. Саша вернулся из кафе с бутылкой банального «Ркацетелли».

– Получше чего там не нашлось? Стоило для такого через перевалы топать? – не скрыл разочарования Вяч.

– Найти-то нашлось бы, только денег бы ещё найти на то, что там есть: «Целкаури». «Александрули», «Хванчикара» какая-то.

– А как там девушки наши? – полюбопытствовала Тамара.

– Веселятся девушки. Их там ровно пять на пять: пять девушек и столько же мужиков. Твоя уже чуть ли не на коленях у одного сидит, – поддразнил Сашка.

Слова скользнули по ушам Вячеслава, не проникнув. Он извлёк из кармана походных штанов типа «техасы» складную стопочку, сделал её объёмной, наполнил, протянул Тамаре. Таким же манером бутылку «ноль семьдесят пять» опустошили до дна. Окружающий мир несколько повеселел, поубавилась усталость. И это, видимо, обстоятельство подвигло «Полутора туристов» вернуться на базу.

– Вы тут давайте оставайтесь, ждите-дожидайтесь, а мы уж пойдём потихонечку. А то я чего-то захромал. Ногу, кажется, где-то подвернул. Ты, Вяч, не дашь свою палку опереться вместо костыля? – Санька ткнул пальцем в правую ногу свою.

– Это тебе не палка, сколько раз говорить, а альпеншток – посох. Возьми, конечно, если надо... Кстати, вопрос у меня к вам обоим. Вы один Сашка, а другой Санька. И то, и другое – Александр. Почему разница? – Вячеслав торжественно вручил Сане резной посох.

– Потому и разница, чтобы одинаково не называли. А то оба Сашки или Саньки: кого зовут – не поймёшь... Ну, ладно. Бывайте. Мы пошли. – принял альпеншток, как винтовку, Санька.

В ежесекундно всё более темнеющем пространстве обе фигуры быстро растворились. Относительно светлой лентой вилась дорога. Ровно рокотала река. Тихо плавали светлячки... Они особенно нравились Вячеславу. Когда-то в детстве он некоторое время жил с родителями на Украине. Там тоже играли в свои загадочные игры светлячки. Огоньки кавказских были похожи на них – напоминали детство... Вяч смотрел, как светящиеся зеленовато-белые

огоньки то опускаются вниз, то поднимаются вверх, словно смешиваясь с небесными звёздами... Тамара сидела рядом молча, слегка касаясь плечом Вячеслава.

– Послушайте, Вячеслав: можно вопрос? – голос звучал тихо, спокойно.

– Можно вопрос, – Вяч слегка вздрогнул, вернувшись из воспоминаний.

– А почему вы жену с собой не взяли в отпуск? Время не совпадает?

– Не совпадают обстоятельства – у меня нет жены и не было... И сомнительно, что будет.

По крайней мере в текущем веке.

– А зачем вы меня обманываете? Марина нам сказала, что вы женаты и очень жену свою любите – потому и не смотрите на нас, – прожурчали слегка кокетливые нотки.

– Я Марину впервые увидел в группе. Знать её до того не знал. Мне кажется почему-то, что и она меня тоже. Это она вас обманула, зачем-то.

– Тогда другой вопрос. Вы такой... спортивный, скажем, и не мальчик, а почему же не женаты, да ещё и не будете? Что-то со здоровьем?

– Вы противоречите сами себе. Если я спортивный, как сами говорите, то это значит, что со здоровьем у меня полная норма... То, на что вы намекаете, тоже в порядке. К слову... А не женат потому, что... Вот «что» и мешает – его слишком много, этого «что» давайте о чём-нибудь другом, – без знаков препинания перевёл беседу Вяч. – Вот о том, что не пора ли и нам пора. Предлагаю сеанс ожидания прекратить, предупредить наших гуляльщиц и уйти восвояси. Принимается?

– Я только что хотела вам об этом же самом сказать! – обрадовалась Тамара. – Ну их, в самом деле. Я сейчас схожу и предупрежу... предупрежу... предупрею... Скажу, что мы уходим, короче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.